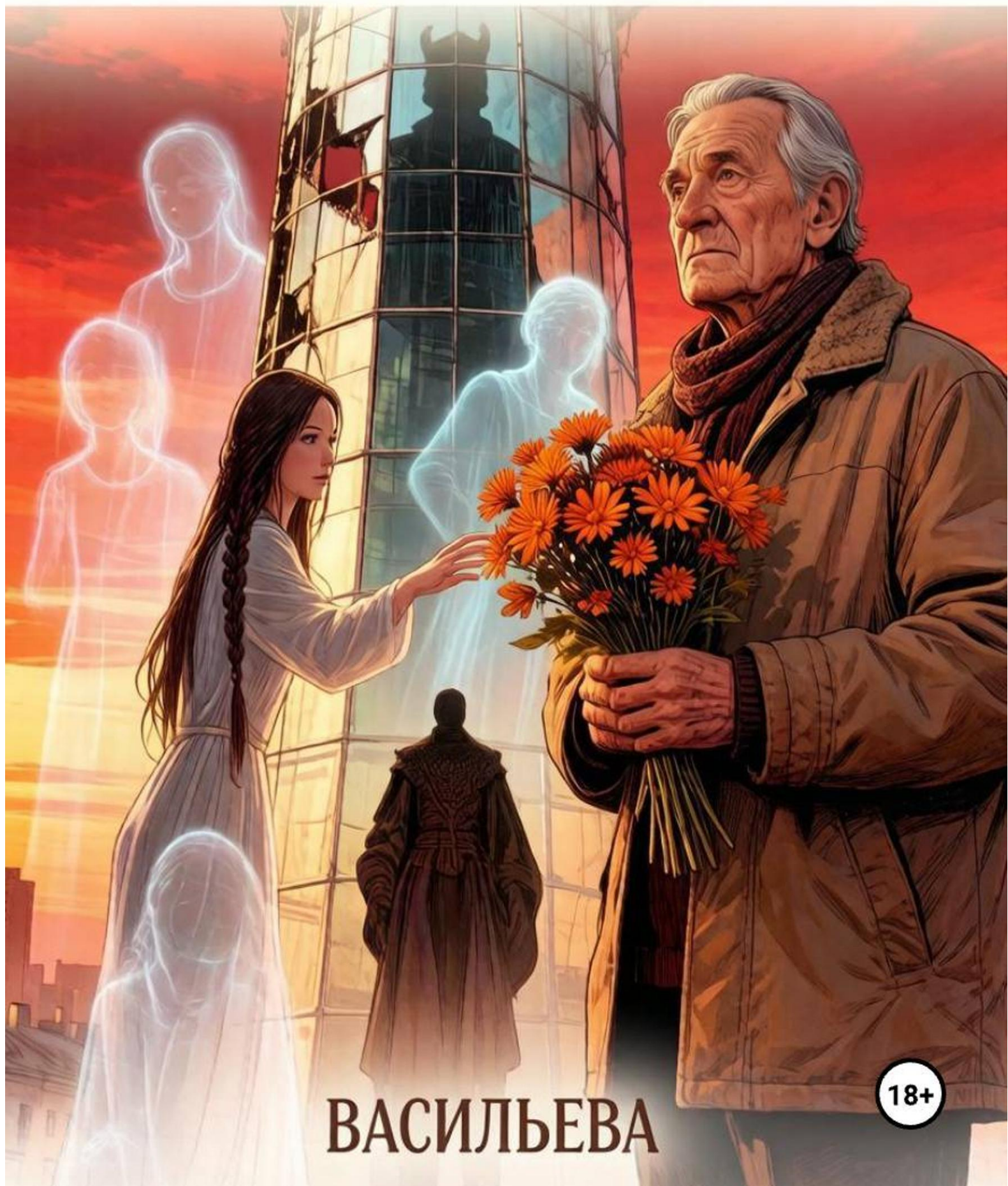

ЭХО ЗАБЫТЫХ ИМЕН

ВАСИЛЬЕВА

18+

Ирина Васильева
Эхо забытых имён

«Автор»

2026

Васильева И.

Эхо забытых имён / И. Васильева — «Автор», 2026

Для Артёма переезд в глухой провинциальный городок после трагедии становится началом кошмара. Старый дом его бабушки хранит мрачную тайну: по ночам из-под пола доносится зловещий шёпот, а на вершине соседнего холма возвышаются руины усадьбы — проклятого места, о котором местные жители предпочитают молчать. Случайная находка — старинный ключ — открывает ящик Пандоры. Пробуждается древнее зло, тёмный дух-колдун, веками собиравший души в своём подземелье. Чтобы выжить, Артём вынужден принять часть этой тьмы, получив разрушительную силу и страшное клеймо на ладони. Вместе с Лерой, девушкой с непростым характером и собственным секретом, он вступает в неравный бой. Это история не только о борьбе со сверхъестественным монстром, но и о внутренней битве с самим собой. Какова цена спасения мира, если для этого нужно продать душу? Сможет ли подросток сохранить человечность, прикоснувшись к первородному хаосу?

© Васильева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Тишина, которая молчит	5
Глава 1.1. Город из стекла и бетона.	7
Глава 2. Школьный растворитель.	8
Глава 2.2. Зелёные искры и битое стекло.	10
Глава 3. Тропа на холм.	11
Глава 4. Тень за спиной.	13
Глава 5. Знак на коже.	15
Глава 6. Город мёртвых.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ирина Васильева

Эхо забытых имён

Глава 1.

Тишина, которая молчит

Воздух пах прелой листвой и мокрым асфальтом — запах увядания, который преследовал Артёма с самого утра. Он стоял на крыльце двухэтажного дома из красного кирпича, нелепого и массивного, как старый сундук. Дом его двоюродной бабушки Аглаи Петровны. Вокруг царил та особенная тишина маленького провинциального городка, которая давит на уши сильнее любого шума мегаполиса. Здесь не было гула машин или далеких сирен, только шелест ветра в кронах старых сосен да редкий лай собаки где-то за соседним забором.

Артём плотнее запахнул воротник своей черной куртки. Ему казалось, что все вещи, которые он привез с собой, были пропитаны горечью утраты, и этот цвет — самый честный для того, что творилось у него внутри. Родители остались там, в прошлом, вместе со всей его старой жизнью. А здесь... здесь была чужая женщина в байковом халате, пахнувшая корвалолом и пирогами с капустой, и дом, полный скрипучих половиц и пыльных воспоминаний, к которым он не имел никакого отношения.

— Ну что застыл? Замерзнешь ведь! — голос бабушки вывел его из оцепенения. Она стояла в дверном проеме, подслеповато щурясь через толстые стекла очков. — Заходи, Тёмушка. Я тебе комнату твою покажу, ту, что окнами в сад выходит.

Комната оказалась небольшой, но неожиданно уютной. Стены оклеены светлыми обоями в мелкий цветочек, которых уже лет двадцать не найти в магазинах. У окна — письменный стол, а напротив — узкая кровать с железной спинкой. На стене висел выцветший гобелен с оленем у водопада.

— Располагайся, — сказала бабушка, поправляя салфетку на комод. — Если что понадобится — я внизу. Обживайся пока.

Она ушла, оставив после себя лишь легкий шлейф знакомого запаха. Артём бросил рюкзак на пол и подошел к окну. Сад был запущенным: яблони-дички переплелись ветвями, образуя темные арки, а высокая трава скрывала то, что когда-то могло быть клумбами. Но взгляд Артёма приковало не это. Сразу за садом начинался лес — густой, темный, почти черный. А над верхушками сосен, на вершине холма, возвышался силуэт. Это была усадьба. Вернее, то, что от неё осталось: остов некогда величественного здания с провалившейся крышей и пустыми глазницами окон. Она казалась мертвым зубом в челюсти древнего леса.

По спине пробежал холодок, никак не связанный с осенней погодой. Артёму показалось, что одно из верхних окон на мгновение стало чуть темнее остальных, словно кто-то невидимый выглянул оттуда и тут же скрылся. Он моргнул, прогоняя наваждение.

Вечером, пытаясь уснуть под мерное тиканье настенных часов, он услышал это снова. Тихий, едва различимый шепот. Словно ветер, запутавшийся в проводах, или сквозняк, нашедший щель в старом доме. Но звук шел не снаружи. Он доносился снизу, прямо из-под пола комнаты. Артём замер, натянув одеяло до подбородка. Шепот не был похож на человеческую речь; это была мешанина звуков, вздохов и тихого, монотонного бормотания на одной ноте. Оно длилось несколько минут, а затем стихло так же внезапно, как и началось.

Сердце колотилось где-то в горле. Сон пропал окончательно. Артём сел на кровати, спустив босые ноги на холодный пол. Комнату заливал мертвенный лунный свет, превращая при-

вычные предметы в зловещие тени. Взгляд упал на его рюкзак. Там, среди учебников и футболок, лежал его верный спутник — толстый блокнот в кожаной обложке и простой карандаш.

Он достал их почти машинально. Пальцы сами потянулись к карандашу. Мысли путались, но рука знала, что делать. Под тихое поскрипывание старого дома Артём начал рисовать. Он не смотрел на бумагу, позволяя руке вести линию. Из-под грифеля рождался знакомый пейзаж: полуразрушенная усадьба на холме, черные провалы окон... И фигура. Тонкий, вытянутый силуэт, стоящий у одного из окон и смотрящий вниз, на город. Артём никогда раньше этого не рисовал, но сейчас картинка ложилась на бумагу с пугающей точностью, будто он просто копировал изображение, хранящееся в его памяти.

Закончив, он откинулся на спинку стула и посмотрел на результат. Рисунок был готов. Фигура в окне смотрела прямо на него. По позвоночнику пробежала ледяная волна ужаса, смешанного с каким-то болезненным восторгом. Потому что в эту секунду, глядя на свой рисунок при свете луны, Артём понял две вещи. Во-первых, он знал, что завтра пойдет к этой усадьбе. А во-вторых, этот шепот из-под пола... он больше не боялся его. Он хотел услышать его снова.

Глава 1.1. Город из стекла и бетона.

Артём не любил вспоминать тот город. В его памяти он навсегда остался залитым беспощадным осенним солнцем — холодным, слепящим светом, который отражался от стеклянных фасадов бизнес-центров и мокрого асфальта, делая мир стерильным и безжизненным. Это был мегаполис, вечно спешащий куда-то по своим важным делам, и в этом потоке они с родителями были просто парой частиц, случайно оказавшихся рядом.

Он жил на семнадцатом этаже панельной высотки. Из окна его комнаты открывался вид на бесконечную череду таких же серых коробок, уходящих за горизонт, расчерченный эстакадами. Единственным живым звуком здесь был монотонный гул шоссе, который никогда не стихал, лишь менял громкость. Иногда ему казалось, что этот шум давно проник к нему в голову и теперь живёт там постоянно.

Школа была такой же — престижной гимназией с углубленным изучением экономики. Место, где ценность человека измерялась маркой его кроссовок и последней моделью смартфона. Артём со своими чёрными худи, молчаливостью и блокнотом для зарисовок был для них инородным телом, ошибкой в системе. Он не пытался влиться в их компанию, обсуждать новые игры или сериалы. Его интересы лежали в другой плоскости — в тених, которые отбрасывали уличные фонари, в тревожной музыке, которую никто из одноклассников не понимал, и в рисунках. Он рисовал то, чего боялись другие: искаженные лица, пустые глазницы зданий, тени, живущие собственной жизнью. Для него это было способом выпустить наружу ту тьму, что копилась внутри.

А потом всё рухнуло.

Это случилось три месяца назад. Обычный вечер. Родители задерживались на каком-то корпоративе. Артём сидел у окна, слушая привычный гул трассы, и водил карандашом по бумаге. Звонок раздался около одиннадцати. Сухой голос полицейского сообщил об аварии на скользкой дороге. Слово «выживших нет» прозвучало как приговор, хотя он уже знал, почувствовал это в ту самую секунду, когда телефон завибрировал на столе.

Мир не перевернулся и не взорвался. Он просто... остановился. Стал плоским, как его рисунки. Цвета поблекли до оттенков серого. Бабушка Аглая, которая звонила раз в месяц по праздникам, примчалась через сутки. Она ничего не говорила, только крепко обняла его своей тёплой рукой, пахнувшей лавандой, и долго молчала. Именно тогда она приняла решение, которое изменило всё.

— Поедешь со мной, Тёмушка, — сказала она тихо, глядя на него выцветшими глазами. — Там воздух чистый. Там тишина. Тебе нужно сменить обстановку.

Её маленький городок казался ему концом света. Меньше людей, меньше шума, меньше всего. Идеальное место, чтобы спрятаться. Он согласился не потому, что хотел этого переезда, а потому, что у него не осталось сил спорить. Ему было всё равно, где находиться, пока реальность ощущалась как тяжёлый сон, от которого невозможно проснуться. Он упаковал свою одежду, забрал ноутбук и главное сокровище — стопку альбомов и карандаши. И уехал из города из стекла и бетона в деревянный дом, где полы скрипят, а стены, кажется, умеют шептать.

Глава 2. Школьный растворитель.

Утро наступило слишком рано. Сквозь сон Артём слышал, как на кухне гремит посуда и пахнет чем-то горелым — вероятно, очередной попыткой бабушки приготовить завтрак по городским меркам. Он натянул одеяло на голову, пытаясь отгородиться от реальности, но резкий запах подгоревшей каши всё равно проникал в сознание, безжалостно выдергивая его из спасительной темноты.

Школа. Сегодня был его первый день в новой школе. При одной мысли об этом внутри всё сжималось. Очередной коллектив, где нужно будет доказывать своё право просто существовать, ловить на себе любопытные или брезгливые взгляды. «Новенький» — это всегда ярлык, который вешают на тебя, пока не решат, к какой стае ты принадлежишь. А Артём не принадлежал ни к одной. Его стая осталась там, вместе с родителями, в городе из стекла и бетона.

Он оделся так же, как одевался всегда: чёрная футболка, тёмные джинсы, старые кеды. Никаких попыток понравиться. Пусть сразу видят, кто он есть. На дне рюкзака привычно лежал блокнот. Это была его броня и его мир одновременно.

Школа номер три имени какого-то местного героя представляла собой типовое трёхэтажное здание из красного кирпича, унылое и казённое. Внутри пахло хлоркой, мастикой для пола и дешёвыми булочками из столовой. Коридоры были наполнены гулом сотни голосов, сливающихся в единый монотонный шум океана, которому не было до него дела.

Класс оказался обычным. Парты, исцарапанные ножами, доска с разводами от мела, портреты классиков на стенах. Учительница, представившаяся Мариной Викторовной, быстро пробежала список отсутствующих и остановила взгляд на нём.

— А, Артём! Садись... куда-нибудь. Можешь вон туда, к окну.

Она указала на пустую парту у дальней стены. Идеальное место. Сиди тихо, никому не мешай, и тебя никто не тронет. Класс затих, изучая его. Кто-то шёпотом передавал записку, кто-то демонстративно отворачивался. Артём прошёл к своему месту, чувствуя себя экспонатом под микроскопом.

Урок литературы тянулся бесконечно долго. Марина Викторовна что-то рассказывала о лирике Серебряного века, но её голос доносился до Артёма словно сквозь толщу воды. Он смотрел в окно, за которым виднелся лишь кусок серого неба и верхушка сосны, и водил карандашом по краю страницы блокнота, рисуя бессмысленные узоры.

Внезапно он почувствовал чей-то взгляд. Не мимолётное любопытство, а целенаправленное, пристальное внимание. Он поднял глаза. На него смотрела девушка с соседнего ряда. У неё были короткие, неровно стриженные волосы цвета спелой пшеницы и яркие зелёные глаза, которые казались ещё ярче на фоне бледной кожи. Она не улыбалась, скорее, оценивающе прищуривалась, будто пыталась решить сложную головоломку. В отличие от остальных, в её взгляде не было насмешки. Там был чистый, незамутнённый интерес.

На перемене изоляция стала абсолютной. Класс разбился на привычные группки: спортсмены у окна, модницы у зеркала, тихие отличники уткнулись в телефоны. Артём остался один. Он достал блокнот, чтобы окончательно отгородиться от этого гомона стеной бумаги. Он начал набрасывать профиль девушки со странными волосами, которую заметил на уроке.

— Рисуешь? Дай посмотреть!

Голос раздался прямо над ухом так неожиданно, что Артём вздрогнул и инстинктивно захлопнул блокнот. Перед ним стоял парень — высокий, широкоплечий, с наглой усмешкой на лице. За его спиной маячил второй, пониже и поплотнее. Местные альфа-самцы, понял Артём. Те, кто проверяет новичков на прочность.

— Я сказал, покажи, что нарисовал, — повторил парень уже с нажимом и протянул руку.

Артём молча прижал блокнот к груди. Воздух в коридоре, казалось, загустел. Назревал классический школьный конфликт, сценарий которого он знал наизусть.

— Оставь его, Кир, — вдруг раздался знакомый голос.

Это была она. Девушка с зелеными глазами подошла и встала рядом с Артёмом, скрестив руки на груди. Её взгляд, обращенный на верзилу, был спокойным и уверенным.

— Чего тебе, Лера? Тоже хочешь порисовать? — хмыкнул Кир, но в его голосе уже не было прежней уверенности.

— Отстань от него. Он ничего тебе не сделал, — отрезала она.

Кир смерил их обоих презрительным взглядом, сплюнул на пол и, махнув рукой своему подпевале, ушёл в сторону лестницы, расталкивая других учеников.

Наступила неловкая тишина. Артём все еще прижимал к себе блокнот, не зная, что сказать своей неожиданной защитнице.

— Ты новенький, да? — наконец спросила она, нарушив молчание. — Из города приехал?

Артём кивнул.

— Меня Лера зовут. А того придурка Кирилл, можешь не запоминать. Он только с перwokлашками смелый.

Она помолчала секунду, разглядывая его рисунок на обложке блокнота.

— А ты правда художник? Или просто мрачный образ поддерживаешь?

Вопрос прозвучал без издевки, с искренним любопытством.

— Просто рисую, — буркнул Артём, отводя взгляд.

Лера усмехнулась, тряхнув своей короткой челкой.

— Ладно, просто рисующий мизантроп. Надеюсь, ты не такой скучный, каким кажешься. До встречи на следующем уроке.

Она хлопнула его ладонью по плечу и ушла, смешавшись с толпой. Артём остался стоять посреди коридора, глядя ей вслед. Странное чувство. Впервые за долгое время кто-то проявил к нему неподдельный интерес, а не желание унижить или использовать. И этот кто-то был совершенно непредсказуем. Он открыл блокнот и на чистой странице написал одно слово: «Лера?», а затем обвёл его в неровный квадрат.

Глава 2.2. Зелёные искры и битое стекло.

Лера не была похожа на местных. В ней было что-то дикое, необузданное, как ветер, залетевший в город с лесных холмов. Она казалась осколком совсем другого мира — яркого, шумного мегаполиса, который она сама же и презирала. Её семья переехала сюда год назад, но для всех она так и осталась «той самой девчонкой из города».

Её стиль был вызовом сонной серости школы. Короткие волосы она стригла сама, отчего причёска всегда выглядела немного асимметрично и дерзко. Сегодня одна прядь у лица была выкрашена в кислотно-зелёный цвет, в тон её глазам, которые, казалось, замечали всё и всех одновременно. Вместо стандартной школьной формы Лера носила рваные джинсы, массивные ботинки и oversize-худи с логотипами давно забытых рок-групп. На её тонких запястьях позвякивала целая коллекция браслетов из кожи и металла, а в одном ухе блестела маленькая серебряная серёжка-колечко. Она двигалась быстро и порывисто, словно постоянно куда-то опаздывала или пыталась обогнать саму себя.

За этой яркой оболочкой скрывалась история, о которой в школе предпочитали шептаться по углам. Говорили, что её прабабушка, местная травница и знахарка, которую одни уважали, а другие считали ведьмой, бесследно исчезла несколько лет назад. Просто ушла в лес за грибами и не вернулась. Искали всем городом, но нашли лишь пустую корзинку на краю болота. После этого её родители, успешные юристы, сорвались из столицы и купили старый дом на окраине, пытаясь сбежать от горя и тягостных воспоминаний. Но, как говорится, от себя не убежишь.

Лера легко сходилась с людьми, но близко к себе никого не подпускала. У неё были приятели, с которыми можно было посмеяться на перемене, но настоящих друзей не было. Она держала дистанцию, будто невидимой стеной отгораживаясь от окружающих. Единственным исключением был Кирилл — тот самый верзила, которого она осадил сегодня. Их связывали странные, почти родственные отношения. Они выросли в одном дворе в городе, вместе лазили по стройкам и били окна в заброшенных домах. Кир был её тенью, грубой физической силой, а Лера — его мозгом и совестью. Он защищал её от других, а она его — от него самого. Но даже ему она не рассказывала всего.

В отличие от Артёма, который прятался в свою скорлупу, Лера, наоборот, притягивала внимание. Она была громкой, острой на язык и никогда не лезла за словом в карман. Учителя называли её «сложным подростком», а одноклассники просто сторонились, не понимая её резких перепадов настроения. То она могла быть душой компании, сыпать шутками и заразительно смеяться, то вдруг замыкалась в себе, становясь колючей и язвительной, готовой оттолкнуть любого, кто пытался проявить сочувствие.

Она видела больше, чем показывала. Когда она посмотрела на Артёма там, у кабинета литературы, она увидела не просто очередного новенького в чёрном. Она увидела напряжение в его плечах, затравленность во взгляде и то, как судорожно он сжимал карандаш. Она почувствовала в нём ту же сломленность, что жила и в ней самой. Именно поэтому она вмешалась. Не из жалости, а из-за внезапного, иррационального чувства узнавания. В толпе одинаковых лиц он был таким же чужим, как и она. И это её зацепило.

Глава 3. Тропа на холм.

Следующие несколько дней слились для Артёма в однообразную серую полосу: уроки, где он старался быть невидимкой, шумные перемены, которые он проводил в одиночестве у окна, и возвращение в тихий дом бабушки. Он ждал. Шепот из-под пола больше не повторялся, но ощущение чужого присутствия в доме не исчезло. Оно давило, словно сам старый особняк Аглаи Петровны затаил дыхание и наблюдал за ним.

Лера после их короткого разговора на перемене вела себя так, будто ничего не произошло. Она кивала ему в коридоре, иногда бросала едкие комментарии в адрес учителей или одноклассников, сидя через ряд от него, но не делала попыток сблизиться. Это устраивало Артёма. Ему хватало собственных призраков.

Всё изменилось в четверг вечером. Бабушка ушла к соседке «посидеть за чаем», как она это называла, оставив на плите кастрюлю с борщом. Дом погрузился в привычную тишину, нарушаемую лишь тиканьем часов да потрескиванием остывающего чайника. Артём сидел за столом, бездумно водя карандашом по листу бумаги. На нём проступали знакомые контуры: покосившаяся башенка усадьбы, острые верхушки сосен вокруг...

Внезапно карандаш замер. Линии сами собой начали складываться во что-то новое. Из темноты леса на его рисунок вышла тропинка — узкая, едва заметная дорожка, ведущая прямо к подножию холма. А рядом с ней... Рядом с ней стояла фигура. Не тот размытый силуэт из окна, а девушка. Её было видно со спины: короткие волосы, худенькие плечи под свободной курткой. В руке она держала что-то похожее на фонарь.

Артём резко выдохнул и откинулся на спинку стула. Сердце колотилось где-то в горле. Это была не фантазия. Это было видение. Картинка, которую кто-то вложил ему в голову. Или которую он подсмотрел в будущем?

Он посмотрел на часы. Начало седьмого. Ещё не совсем стемнело, но сумерки уже сгустились, размывая очертания предметов за окном. Решение пришло мгновенно, горячее и пугающее. Он должен был узнать, существует ли эта тропа на самом деле.

Накинув куртку и схватив свой блокнот, Артём тихо выскользнул из дома через заднюю дверь, чтобы не столкнуться с возвращающейся бабушкой. Холодный воздух обжёг лёгкие. Городок казался вымершим. Фонари ещё не зажглись, и единственным источником света служила луна, висевшая над лесом огромным серебряным диском.

Тропа нашлась именно там, где он её нарисовал. Она начиналась от опушки, метрах в ста от забора бабушкиного сада, и сразу ныряла в сумрак между деревьями. Сначала это были просто примятые папоротники, но чем дальше он заходил в лес, тем явственнее становилась дорожка — утоптанная земля, покрытая ковром из сосновых иголок. Лес обступал его плотной стеной, звуки города стихли, сменившись гулким уханьем филина и шорохом невидимых существ в кустах.

Подъём на холм оказался круче, чем казалось издали. Артём тяжело дышал, цепляясь руками за корни деревьев. Когда он наконец выбрался из-под лесного покрова, перед ним открылась поляна, залитая лунным светом. И посреди неё возвышалась она. Усадьба.

Вблизи она выглядела еще более зловеще. Время и мародеры не пощадили некогда величественное здание. Левое крыло полностью обрушилось, обнажив почерневшие балки. Окна верхнего этажа смотрели на мир пустыми глазницами, но некоторые из них нижнего были зачем-то заколочены свежими досками. Воздух здесь был другим — тяжелым, неподвижным, пропитанным запахом сырой земли и гнилого дерева.

Артём сделал несколько шагов вперед. Под ногой хрустнула ветка, и этот звук показался оглушительным выстрелом в мертвой тишине. Он подошел ближе к стене, провел рукой по холодному, крошащемуся кирпичу. Его взгляд упал на фундамент. Там, среди сорняков, он

увидел то, что заставило его похолодеть. У самой земли темнела небольшая ниша, заложенная грубо обработанным камнем. Но камень прилегал неплотно. Между ним и старой кладкой зияла черная щель.

Не думая о последствиях, Артём просунул пальцы в эту щель. Пальцы коснулись чего-то гладкого и холодного. С трудом расшатал камень, он вытащил его наружу. Внутри лежал свёрток. Старая, полуистлевшая мешковина, перевязанная бечевкой.

Дрожащими руками он развернул ткань. Внутри, завернутый в промасленную бумагу, лежал ключ. Большой, старинный, из черного металла, покрытого ржавчиной. К головке ключа было припаяно кольцо, на котором болтался кусочек кожи с выжженным на нем символом — круг, пересеченный тремя неровными линиями.

В ту же секунду мир вокруг изменился. Шепот вернулся. Но теперь он был громче, яростнее. Он шел не из-под земли, а отовсюду — из стен усадьбы, из лесной чащи, из самого воздуха. Голоса смешивались в невыносимый гул, полный боли и гнева. *«Верни... Наше... Найдет тебя...»* — разобрал он сквозь какофонию звуков.

Паника накрыла его ледяной волной. Артём прижал свёрток к груди и, спотыкаясь, побежал вниз с холма. Он неся, не разбирая дороги, царапая лицо ветвями, пока не вылетел обратно на окраину городка. Только захлопнув за собой калитку бабушкиного дома и привалившись к ней спиной, он смог отдышаться.

Сердце все еще выпрыгивало из груди, когда он осторожно развернул тряпицу снова. Ключ был на месте. Тяжелый, реальный кусок металла. Он не приснился. Тайна нашла его сама. И теперь, хочет он того или нет, он стал её частью.

Глава 4. Тень за спиной.

Ключ обжигал карман. Всю ночь он пролежал под подушкой, тяжелый и холодный, как осколок льда. Артём почти не спал. Стоило ему закрыть глаза, как шепот с холма возвращался, сплетаясь в жуткие слова, смысла которых он не мог понять. Он то проваливался в мутную полудрёму, где снова видел усадьбу и тропу, то просыпался от собственного резкого вдоха, судорожно ощупывая постель. Ключ был на месте.

Утро наступило серое и промозглое. Дождь уныло барабанил по стеклу, смывая последние остатки осени. Этот звук должен был успокаивать, но для Артёма он звучал как аккомпанемент к его нарастающей паранойе. Ему казалось, что каждый взгляд, брошенный на него в школе, знает о том, что он сделал. Что тяжёлый свёрток в его рюкзаке пульсирует тёмной энергией, видимой для всех, кроме него самого.

На уроках он сидел как на иголках. Рука сама тянулась к внутреннему карману рюкзака, чтобы коснуться грубой ткани и убедиться — это не сон. На истории он пропустил мимо ушей всё, что говорила учительница о реформах Петра I. На геометрии тупо смотрел на доску, не понимая ни единой теоремы. Его мир сузился до размеров этого проклятого ключа.

Единственным человеком, который вывел его из ступора, была Лера. Она подошла к нему после третьего урока, когда он стоял у окна и бездумно смотрел на мокрый школьный двор.

— Ты сегодня какой-то... дерганый, — заявила она без предисловий, скрестив руки на груди. Её зелёные глаза изучали его лицо с пронизательностью сканера. — И бледный, как поганка. Случилось что?

Артём инстинктивно прижался плечом к стене, пытаясь прикрыть рюкзак.

— Ничего. Просто не выспался.

Лера фыркнула, закатив глаза.

— Не выспался? Или совесть мучает? Я видела тебя вчера.

Мир вокруг замер. Сердце Артёма ухнуло куда-то в пятки. Он медленно повернул голову и встретился с ней взглядом.

— О чём ты?

— Не прикидывайся идиотом, — её голос стал тише и жёстче. — Я шла через старый парк, срезала путь домой. И видела, как кто-то очень похожий на тебя выбежал из леса со стороны холма. Выглядел так, будто за тобой стая волков гналась. Так что давай начистоту: что ты там делал?

Её настойчивость злила и пугала одновременно. Артём почувствовал вспышку раздражения. Какое ей вообще дело?

— Тебе-то что? Следишь за мной? — огрызнулся он, сам удивляясь своей резкости.

Лера лишь усмехнулась уголком губ, ничуть не задетая его тоном.

— Мне плевать, чем ты занимаешься. Но этот лес... с ним шутки плохи. Особенно ночью. Там люди пропадают. Мой прадед говорил, что это гиблое место. Так что если ты нашел там приключения на свою задницу — я просто хочу знать, насколько они опасны для окружающих.

В её словах не было насмешки, только холодная констатация факта. Это сбивало с толку. Артём молчал, борясь с желанием выложить ей всё. Рассказать про ключ, про шепот, про рисунок, который привел его туда. Но что-то его остановило. Инстинкт самосохранения. Эта тайна принадлежала только ему.

— Я ничего не нашел, — наконец выдавил он, глядя ей прямо в глаза и ненавидя себя за эту ложь. — Просто гулял.

Лера долго смотрела на него, словно пыталась просверлить дыру и увидеть правду. Затем она кивнула, принимая его ответ, хотя было ясно, что она ему не поверила.

— Ну-ну. Гуляй дальше. Только смотри, чтобы прогулка не стала последней.

Она развернулась, чтобы уйти, но вдруг остановилась и бросила через плечо:

— Кстати, завтра контрольная по физике. Если завалишь, будешь пересдавать с двоечниками. А у них мозг плавится от перегрева.

И ушла, оставив Артёма одного. Её внезапная забота, замаскированная под грубость, окончательно запутала его. Он чувствовал странное облегчение от того, что поделился частью правды (тем, что был там), но главный секрет остался при нём.

Весь оставшийся день он ждал. Ждал, что вот-вот раздастся звонок, и сухой голос директора пригласит его в кабинет, потому что кто-то видел, как он выносил артефакт из руин. Ждал, что в классе появится полиция. Но ничего не происходило. Школа жила своей обычной жизнью, и это несоответствие между нормальностью мира и чудовищностью его поступка сводило с ума.

Вечером, вернувшись домой, он заперся в своей комнате. Бабушка хлопотала внизу, гремела посудой и напевала что-то себе под нос. Обычный вечер обычного дня. Всё было неправильно.

Дождавшись, пока дом погрузится в тишину, Артём достал ключ. Он положил его на стол, под свет настольной лампы. Чёрный металл казался маслянистым, он поглощал свет, а не отражал его. Символ на кожаном брелоке выглядел как клеймо. Артём взял лупу, которую нашёл в ящике стола, и навёл её на круг с линиями. Рисунок был неровным, линии были процарапаны чем-то острым, возможно, гвоздем.

Что он открывает? Какую дверь? Ту, что заложена свежим кирпичом в фундаменте? Или одну из тех, что ведут внутрь самой усадьбы?

Вопросы роились в голове, не находя ответов. Устав бороться с искушением, Артём спрятал ключ обратно в мешковину и убрал свёрток в самый дальний угол своего шкафа, завалив его старой зимней курткой. Он решил, что больше никогда не пойдет туда. Никогда.

Он лег спать, чувствуя себя немного спокойнее. Тайна была надежно спрятана.

Но спокойствие длилось недолго. Уже засыпая, сквозь дремоту, он услышал новый звук. Не шепот. Скрип. Тихий, протяжный скрип половицы в коридоре прямо за дверью его комнаты. Звук шагов.

Артём замер, превратившись в слух. Дом старый, он постоянно поскрипывает и вздыхает. Это могла быть бабушка...

Нет. Эти шаги были другими. Легкими, крадущимися. Кто-то остановился прямо у его двери. Наступила абсолютная тишина. Тот, кто стоял в коридоре, тоже замер. Артём задержал дыхание. Он физически ощущал чужой взгляд, упирающийся в деревянную панель двери. Взгляд изучал его убежище.

Прошла минута. Две. Три. Наконец, шаги возобновились. Они удалялись по коридору в сторону лестницы, становясь всё тише, пока совсем не растворились в ночной тишине дома.

Артём лежал в темноте, обливаясь холодным потом. Теперь он был уверен: прятать ключ в доме было ошибкой. Кто-то или *что-то* уже знало, что он принёс частицу той тьмы сюда. И оно пришло за ней.

Глава 5. Знак на коже.

Сон не шёл. После ночного визита к его двери Артём лежал в темноте, вслушиваясь в каждый шорох старого дома. Он слышал, как потрескивают рассыхающиеся балки, как гудит ветер в печной трубе, как где-то внизу капает вода из крана. Но он больше не верил этим звукам. За каждым из них могло скрываться нечто иное — тихое дыхание или осторожный шаг. Ключ под курткой в шкафу казался ему тикающей бомбой, привлекающей хищника.

Утро не принесло облегчения. Под глазами залегли тёмные тени, а голова была тяжёлой от недосыпа и постоянного напряжения. Бабушка Аглая Петровна, бросив на него один взгляд за завтраком, сокрушённо покачала головой:

— Совсем ты тут с нами зачахнешь, Тёмушка. На тебе лица нет. Может, погуляешь? Воздух-то какой после дождя! Лес парит, красота...

Её заботливые слова отозвались внутри глухой болью. «Красота». Она говорила о том самом лесе, который теперь казался Артёму пастью гигантского зверя. О воздухе, пропитанном шёпотом проклятых душ. Он молча кивнул, лишь бы она перестала смотреть на него с такой жалостью.

В школе день тянулся мучительно медленно. Физику он, конечно же, завалил, мысленно находясь за сотни километров от формул и законов Ньютона. Лера на уроке сидела впереди и ни разу не обернулась. Это было к лучшему. Артём чувствовал себя грязным, заражённым чем-то смертельно опасным, и меньше всего ему хотелось заразить кого-то ещё, особенно её.

Единственное, что отвлекало — это блокнот. Карандаш сам скользил по бумаге, выплёсывая наружу то, что разум отказывался анализировать. Он рисовал усадьбу, но теперь она выглядела иначе: стены сочились чернотой, окна пульсировали багровым светом, а вокруг фундамента клубился туман, из которого проступали искажённые лица. Рисунок был уродливым и пугающим. Скомкав лист, Артём выбросил его в урну под удивлённый возглас соседа по парте.

Последний урок наконец закончился. Выходя из класса, Артём физически ощутил тяжесть рюкзака. Там, среди учебников, лежал свёрток. Идея, которая крутилась в голове весь день, оформилась в окончательное решение. Он должен избавиться от ключа. Вернуть его туда, где нашёл. Возможно, тогда шепот утихнет, и та тень в коридоре перестанет приходить.

Он дождался, когда основная масса школьников разойдётся, и выскользнул из школы через чёрный ход, чтобы избежать встречи с кем-либо. Дождь прекратился, но небо оставалось низким и серым. Городок казался выцветшей фотографией.

Путь до леса он преодолел почти бегом. Оказавшись под сенью сосен, Артём замедлил шаг. Здесь царила другая тишина — густая, влажная, полная запахов прелой листвы и мокрой коры. Каждый хруст ветки под ногами заставлял его вздрагивать. Он поднимался на холм, чувствуя, как с каждой минутой воздух становится тяжелее, словно он погружается в холодную воду.

Когда между деревьями показалась поляна и чёрная громада усадьбы, Артёма начало трясти. Это место излучало враждебность. Оно помнило его вчерашний визит и было недовольно его возвращением.

Артём подошёл к тому самому месту в фундаменте. Щель всё ещё темнела между камнями. Сердце колотилось так громко, что заглушало все остальные звуки. Руки дрожали, когда он достал из рюкзака мешковину и развернул её. Ключ тускло блеснул в пасмурном свете.

Наклонившись, чтобы положить ключ обратно в тайник, Артём замер. Его внимание привлёк камень, лежавший рядом со щелью. Поверхность камня была гладкой, отполированной временем, и на ней... на ней были высечены символы. Тот же самый круг с тремя линиями, что и на брелоке. А чуть ниже — другие знаки, сплетавшиеся в сложный узор.

Это не случайное место. Это знак. Указатель.

Дрожащими пальцами он коснулся холодного камня. В тот же миг мир взорвался болью.

Она была не физической. Это была вспышка ослепительного света прямо в мозгу, сопровождаемая оглушительным звоном. Перед глазами замелькали образы, настолько быстрые и чуждые, что сознание отказывалось их фиксировать. Он увидел огонь. Услышал крики, полные нечеловеческой муки. Увидел лицо мужчины, искажённое яростью и безумием, и его руку, сжимающую окровавленный кинжал над извивающимся телом ребёнка. А затем — тьма. Вязкая, абсолютная тьма, наполненная миллионами голосов, сливающихся в единый стон.

Артём отшатнулся от стены, хватая ртом воздух. Голова раскалывалась. Он упал на колени в мокрую траву, пытаясь прийти в себя. Когда зрение прояснилось, он посмотрел на свою правую ладонь. Ту самую, которой он касался камня.

На коже, бледный, но отчётливый, проступал ожог. Символ круга с тремя пересекающимися его линиями отпечатался на ладони, словно клеймо. Кожа вокруг него покраснела и начала саднить.

Он понял. Понял всё. Этот ключ — не просто замок от двери. Это печать. Печать, которая сдерживала то, что заперто здесь. И теперь часть этой силы перешла к нему. Шепот, шаги в доме, видения — это не галлюцинации. Это эхо того зла, которое он случайно выпустил, а затем прикоснулся к его источнику.

Паника переросла в животный ужас. Забыв о ключе, забыв обо всём, Артём вскочил на ноги и побежал. Он нёсся вниз с холма, не разбирая дороги, спотыкаясь о корни, падая и снова поднимаясь. Ему казалось, что лес смыкается за его спиной, что тьма из руин преследует его по пятам, готовая поглотить.

Выбившись из сил, он рухнул на землю у самой опушки, недалеко от своего дома. Он долго лежал ничком, прижавшись щекой к холодной земле, пока бешеный стук сердца не начал стихать.

Нужно было спрятаться. Нужно было найти безопасное место для этого проклятия. Дом бабушки больше не был безопасным. Там оно уже побывало.

Решение пришло внезапно, отчаянное и безумное. Есть одно место. Место, куда никто никогда не ходит. Старое городское кладбище на окраине, заброшенное много лет назад. Если там есть хоть одна старая могила с каменным саркофагом или склеп... это будет надёжнее любого шкафа. Мёртвые хранят свои тайны лучше живых.

С трудом поднявшись, Артём поплелся домой. Он прошёл мимо своего сада, даже не взглянув на дом. Он шел к автобусной остановке, ведущей на другой конец города. Решение было принято. Сегодня ночью он избавится от ключа. Любой ценой.

Глава 6. Город мёртвых.

Автобус тащился по окраинам так медленно, словно водитель тоже чувствовал гнетущую атмосферу этого места. За окном проплывали серые панельные дома, затем промзона с ржавыми заборами и покосившимися ангарами, а после начался пустырь. Артём смотрел на своё отражение в тёмном стекле. Бледное лицо, лихорадочный блеск в глазах и, самое страшное — багровый отпечаток на ладони, похожий на уродливую татуировку. Он прятал руку в кармане куртки, но ощущение жжения не проходило. Клеймо пульсировало в такт ударам сердца, напоминая о том ужасе на холме.

Когда автобус наконец со скрипом затормозил на конечной остановке, вокруг уже сгустились сумерки. Дождь так и не собрался, но воздух был пропитан сыростью и холодом. Артём вышел в пустоту. Здесь не горели фонари. Единственным источником света служила луна, то и дело скрывавшаяся за рваными облаками.

Кладбище находилось сразу за пустырем. Его не нужно было искать — оно само заявляло о себе. Высокий кирпичный забор местами обрушился, открывая зияющие дыры-проходы. Кованые ворота, сорванные с петель много лет назад, лежали в зарослях сухого бурьяна. Место выглядело забытым богом и людьми.

Артём пролез через одну из брешей в стене и оказался внутри.

Это был город мёртвых. Памятники разной степени ветхости торчали из земли под самыми невероятными углами, как гнилые зубы. Некоторые могильные плиты раскололись пополам, другие ушли глубоко в землю, оставив на поверхности лишь замшелый угол. Кресты покосились, готовые рухнуть от малейшего порыва ветра. Деревья, когда-то посаженные вдоль аллеи, превратились в скелеты, их ветви тянулись к небу, словно руки мертвецов.

Здесь царила абсолютная тишина. Не та звенящая тишина леса, а глухая, ватная, поглощающая все звуки. Даже его собственные шаги казались неуместно громкими. Артём шёл вперёд без всякой цели, просто чтобы двигаться. Ему казалось, что если он остановится, тьма, клубившаяся между надгробиями, поглотит его.

Он искал подходящее место. Что-то надёжное, каменное. Старый склеп или хотя бы нишу в основании большого памятника. Но кладбище было бедным, большинство памятников были сделаны из дешёвого бетона, который давно растрескался и крошился.

Внезапно он остановился. Впереди, в глубине кладбища, возвышалось нечто массивное. Это была старая часовня или родовая усыпальница. В отличие от всего остального, она была построена из тёмного, почти чёрного камня. Время не пощадило и её: крыша частично провалилась, стрельчатые окна были пусты, а входной портал обрамляли выветренные статуи ангелов, лишённые лиц.

Вот оно. Идеальное место. Древнее и прочное.

Артём приблизился к зданию, обходя обломки кирпичей и поваленные деревья. У входа он замер. Изнутри веяло ледяным холодом, который пробирал до костей даже сквозь куртку. Запах стоял соответствующий — запах вековой пыли, сырой штукатурки и чего-то ещё... едва уловимого запаха тлена.

Собрав всю свою волю в кулак, он шагнул внутрь.

Внутреннее пространство оказалось больше, чем он ожидал. Сквозь дыру в крыше лился лунный свет, освещая центр зала, оставляя углы в густой тени. На полу валялись куски штукатурки и битый камень. Прямо посреди помещения виднелся большой люк, ведущий вниз, в склеп. Именно там, внизу, будет самое надёжное укрытие.

Люк был тяжёлым, металлическим, покрытым слоем ржавчины. Артём ухватился за кольцо и потянул. Петли пронзительно взвизгнули, протестуя против вмешательства. С трудом сдвинув крышку, он заглянул в чернильную темноту погребальной камеры. Оттуда пахло

могильным холодом. Спускаться туда? Нет. Об этом не могло быть и речи. Достаточно бросить ключ сверху.

Он достал свёрток. Мешковина показалась ему тёплой и живой. Осторожно развернув ткань, он посмотрел на чёрный металл ключа. Тот тускло блеснул в лунном свете. Символ на брелоке казался зловещим клеймом.

— Прощай, — прошептал Артём и разжал пальцы.

Ключ полетел вниз, беззвучно канув во тьму. Раздался тихий, глухой стук удара о каменный пол где-то далеко внизу.

И в этот момент всё изменилось.

Тишину разорвал оглушительный металлический лязг. Люк, который Артём оставил приоткрытым, с чудовищной силой захлопнулся сам собой, отрезая путь назад. Звук эхом отразился от стен часовни, заставив Артёма подпрыгнуть от ужаса. Он бросился к люку, вцепился в холодное кольцо и потянул изо всех сил. Бесполезно. Тот не поддавался, будто был заперт снаружи.

Паника накрыла его волной удушливого страха. Он оказался в ловушке. В темноте. Рядом с тем, что он только что спрятал.

— Выпустите меня! — закричал он, колотя кулаком по металлу. Голос звучал жалко и тонул в пустоте.

Ответа не было. Только шорох осыпающейся штукатурки.

Обессиленный, Артём сполз спиной по холодной стене часовни и сел на пол. Он тяжело дышал, сердце готово было выпрыгнуть из груди. Он проиграл. Ключ теперь недосыгаем, а он сам заперт здесь, в самом центре сосредоточения смерти.

Вдруг краем глаза он заметил движение. В дальнем углу, куда не доставал лунный свет, что-то происходило. Тени сгущались, обретая форму. Они поднимались от пола, сплетаясь в высокую, худощавую фигуру. Она не имела чётких очертаний, это был скорее сгусток мрака, принявший человеческий силуэт. Фигура стояла неподвижно несколько секунд, а затем начала медленно поворачивать голову в его сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.